

УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.2.1](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.1)
EDN [PBXVRT](https://edn.ras.ru/PBXVRT)
УДК 316.422

Л. А. Василенко¹
¹ РАНХиГС. Москва, Россия

МЕТАМОРФОЗЫ ЦИФРОВОЙ МНОГОСУБЪЕКТНОСТИ: РЕГУЛЯТИВЫ МЯГКОГО УПРАВЛЕНИЯ VS ПРОГРАММИРОВАННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена актуальной и спорной теме – спонтанному формированию регулятивов управления поведением субъектов в виртуальном мире в условиях цифровой трансформации и гибридного социального пространства и влиянию этих процессов на социальный порядок. Разнообразие субъектов (многообразие) представлено как традиционными субъектами социума в виртуальном пространстве (представители органов власти, граждане и их объединения, включённые в цифровые коммуникации), превращённой виртуальной реальностью актора с высоким уровнем анонимности, так и техносубъектами (изделиями со встроенными алгоритмами искусственного интеллекта (чат-ботами, нейросетями, цифровыми двойниками и т.п.), проявляющими некоторые элементы субъектности (возможности влияния на поведение участников коммуникации, обладания техносубъектами социальным телом (по А. В. Тихонову). Мягкое управление рассматривается как демократический стиль субъект-субъектного управления через воздействие на культуру, сознание, поведение с передачей участникам необходимых полномочий и применения неформальных методов коммуникаций. Если регулятивы программированного общества имеют высокие риски латентной манипуляции со стороны органов власти или анонимных претендентов на власть, то регулятивы мягкого управления имеют двойственную основу (установление законов, правил и инструкций для всех типов субъектов, регулятивы согласования интересов партнёров в партисипативных взаимодействиях, развитие резистентной реакции на манипулятивные влияния, технико-технологические услуги в экосистемах и цифровых платформах), но в том числе и регулятивы латентного и манипулятивного характера. Сделан вывод о необходимости включения всех указанных аспектов в проблематику научной дисциплины «Социология управления».

Ключевые слова: многообразие, мягкое управление, программированное общество, регулятивы, цифровая трансформация, социальное тело, искусственный интеллект, техносубъекты, виртуальное пространство, гибридность, социальный порядок

Для цитирования: Василенко Л. А. Метаморфозы цифровой многообразие: регулятивы мягкого управления vs программированного общества // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 10–24. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.1](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.1). EDN [PBXVRT](https://edn.ras.ru/PBXVRT).

Введение. Современный мир в долгом эволюционном процессе от первых регуляторов трудовой деятельности до современных цифровых механизмов управления сложными процессами с применением искусственного интеллекта, способными действовать автономно, столкнулся с феноменом «множественной субъектности», гибридной социальностью пространства [1; 2] с участием техносубъектов [3], применяемых в автономном формате [5, с. 10–29], представляющих собой социальные конструкты со встроенными алгоритмами искусствен-

ного интеллекта, базирующихся «на высокоуровневом копировании отдельных аспектов функционирования человеческого интеллекта» [6]. Так, GPT-4 прошёл тестирование школьной службой Scholastic Testing Service и «вошёл в 1% лучших по творческим возможностям среди 2718 участников¹. Участниками тестирования выступили студенты колледжей и взрослые, которые прошли тест с помощью школьной службы тестирования. По исследованию ВЦИОМ «Нейросети и человек: начало пути», россияне с нейросетями пока знакомы слабо, но уверены, что человека они заменить не смогут². Но могут ли техносубъекты влиять на изменение социального порядка и выступать субъектами управления в социуме? К ответам на данные вопросы мир подходит постепенно. С переходом к постиндустриальной парадигме общество столкнулось с необходимостью применения разнообразных регулятивных конструктов, что требует разработки дополнительных подходов к построению теоретических оснований социологии управления.

Гипотеза и методы исследования. В современных условиях цифровой трансформации мир столкнулся с гибридным социальным пространством, в котором граждане могут выступать как партнёры органов власти, всё более проявляя свойства субъектности. Люди взаимодействуют с изделиями со встроенными алгоритмами искусственного интеллекта (техносубъектами) реализующими некоторые когнитивные функции человека, которые, не являясь субъектами управления, могут оказывать влияние на поведение социальных акторов, обуславливая проявление элементов субъектности в изменении социального порядка. Рабочая гипотеза о том, что феномены многосубъектности и стихийно складывающихся регулятивов управляемости носят рискогенный характер и требуют пересмотра теоретических оснований социологии управления. Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи, которые обусловили логику и структуру статьи.

1. Уточнить особенности проявления субъектной индивидуальности конструктов (изделий) со встроенным искусственным интеллектом и некоторых возможностей регулятивов управляемости в сетевой социальной системе.
2. Проанализировать превращённую виртуальную реальность как форму проявления анонимной многосубъектности в гибридном социуме.
3. Исследовать феномен программируемого общества применительно к современному гибриднему социальному пространству.
4. Осуществить поиск используемых форматов регулятивов «мягкого управления» в условиях многосубъектности.

Методологической основой исследования послужили теоретико-методологические аспекты социологии Т. Парсонса [7]; подходы к исследованию техносубъектов профессора В. Игнатьева [3; 4]; автономности использования технологических устройств с применением искусственного интеллекта академика В. Лекторского [5, с. 10–29], парадоксы и противоречия ИИ [6]; феномен социального тела как «совокупности реальных прямых и косвенных связей индиви-

¹ Нейросеть GPT-4 обошла людей уже и в креативности – результаты теста шокируют // Metro. 18.09.2023. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/nejroset-gpt-4-oboshla-ljudej-uzhe-i-v-kreativnosti-rezultaty-testa-shokirujut-18-09-2023> (дата обращения: 15.04.2024).

² Нейросети и человек: начало пути // ВЦИОМ. 05.04.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroseti-i-chelovek-nachalo-puti> (дата обращения: 15.04.2024).

да с другими людьми» (А. В. Тихонов) [8]; субъектная парадигма управления В. Лепского [9]; социологических подходов к измерению социального капитала [10]; результаты социологического эксперимента, проведённого швейцарскими учёными Института биомедицинской этики и истории медицины Цюрихского университета Джованни Спитале, Николой Биллер-Андорно и Федерико Джермани (выборка 697 респондентов из Соединённого Королевства, Австралии, Канады, Соединённых Штатов и Ирландии в возрасте от 42 до 76 лет) [11], а также социологического исследования согласования интересов социального партнёрства О. Антоновой [12].

Представленная гипотеза и разнообразие форматов регулятивов управляемости носят поисковый характер и требуют дополнительной организации академических исследований.

Субъектная индивидуальность изделий с искусственным интеллектом (псевдосубъектом, техносубъектом, не-Человеком, нейросетью). Академик В. Лекторский, рассматривая автономность использования технологических устройств с применением искусственного интеллекта, подчёркивает, что последние: «научились советовать человеку и даже диктовать» некоторые форматы поведения на основе анализа данных [5, с. 10–29]. Если действие человека предполагает самостоятельный выбор и осознание последующей ответственности, то в случае воздействия техносубъекта (например, нейросети) возникает вопрос «кто отвечает за действия искусственного интеллекта: разработчик, владелец или сама система»³. И каким должен быть регулятивный механизм в развивающейся сложной социальной системе, в которой функционируют и взаимодействуют субъекты различного типа.

Возможно ли рассматривать псевдосубъекта в качестве полноценного субъекта или рассматривать как алгоритм, сконструированную технологию, имитирующую некоторые когнитивные функции человека, реализующую функцию посредника между человеком и информационно-сетевой средой, и тогда неминуемо его участие в управленческих взаимодействиях?

В качестве иллюстрации приведём пример эксперимента, проведённого учёными Института биомедицинской этики и истории медицины Цюрихского университета Дж. Спитале, Н. Биллер-Андорно и Ф. Джермани [11], в котором приняли участие 697 респондентов из Соединённого Королевства, Австралии, Канады, Соединённых Штатов и Ирландии в возрасте от 42 до 76 лет. Большинство из них имеют степень бакалавра или выше, в основном по общественным, гуманитарным, естественным или медицинским наукам. Цель исследования состояла в определении, как искусственный интеллект влияет на оценку информации человеком, могут ли респонденты отличить дезинформацию от правдивой информации в твитах социальной сети Twitter и определить, был ли твит написан человеком или сгенерирован GPT-3. В результате было доказано, что как точная, так и ложная информация, сгенерированная GPT-3, признается правдивой чаще, чем твиты людей (рис 1), т.е. нейросеть может оказывать значимое влияние на сознание человека и тем самым может обусловить последующий формат его поведения.

³ Скибина О. Академик РАН В. А. Лекторский – об автономности искусственного интеллекта, свободе выбора и ответственности // Научная Россия. 23.11.2021. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/akademik-ran-valektorskij-ob-iskusstvennom-razume-i-novyh-ugrozah> (дата обращения: 05.02.2024).

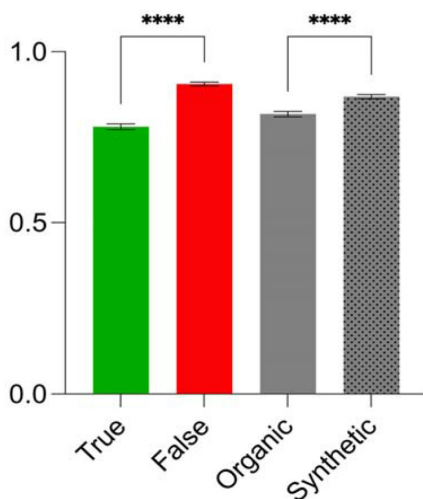

Рисунок 1. Твиты с дезинформацией (красные полосы) чаще распознаются правильно, чем точные твиты (зеленые полосы). Синтетические твиты (пунктирные серые полосы) чаще распознаются правильно, чем обычные твиты (серые полосы). Показатель распознавания дезинформации (или TF-балл, диапазон от 0 до 1) – это средний балл для всех 697 респондентов (или 1,100% правильных ответов; 0,0%); обычный однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), множественные сравнения по тесту Тьюки, $n = 697$; $P < 0,01$ и $****P < 0,0001$. Столбцы ошибок = SEM.**

Источник: Spitale G., Biller-Andorno N., Germani F. AI model GPT-3 (dis)informs us better than humans // Science Advances. 2023. Vol. 9, No. 26. DOI 10.1126/sciadv.adh1850 [11].

Возникает своеобразная управленческая триада неадминистративного посреднического влияния, которая обладает латентными характеристиками и зачастую весьма результативна по последствиям как положительного, так и негативного характера. Что за феномен в таких процессах выступает деятельностной управленческой сущностью в коммуникационной среде, обладает ли такой сложный организм тихоновским «социальным телом», поскольку «любая человеческая деятельность не только состоит из субъекта активности, предмета и используемых средств, но и осуществляется путём прямого и косвенного участия в ней других людей, совокупность которых и образует её социальное «тело», рассматриваемое как «совокупность реальных прямых и косвенных связей индивида с другими людьми, меняющаяся в течение жизни... Через взаимопроникновение и взаимодействие социальных тел каждый человек участвует в формировании социального порядка, а социальное тело в свою очередь как совокупность «значимых других» участвует в формировании его личности» [8, с. 204–205]. Из этого следует, что любой процесс взаимодействия влияет на обе участвующие стороны. И тогда возникает проблема, какую роль, какую функцию в механизме управления может выполнять техносубъект. Насколько корректно обсуждать устойчивость социальных связей и отношений в случае обращения актора к нейросети, поскольку техносубъект может выступать посредником между участниками, один из которых обретает неявные социальные связи и отношения и действует через интенции.

Возможен ли в данном случае вывод В. Гейзенберга о стирании различия между взаимодействующими участниками, например, между «субъектом и познаваемым объектом» [13, с. 5]?

Во-первых, желательно уточнить сущностные особенности субъекта с естественным интеллектом [13]:

- понимание субъекта как самосознающего материального существа предполагает, что сам субъект и его деятельность поняты в их социально-культурной и исторической обусловленности, а его предметно-практическая и познавательная деятельность опосредована отношением к другим субъектам;
- человеческое познание как высшая форма отражения действительности предполагает не только сознательное отношение субъекта к объекту, но и сознательное отношение субъекта к самому себе;
- процесс познания сопровождается «сознанием места индивидуального субъекта в системе пространственно-временных отношений объективного мира с учётом способов и норм познавательной деятельности», универсальной культуры.

Во-вторых, сегодня можно говорить о роли новых типов «предметов-посредников» В. Лекторского – псевдосубъектов, их участии в новом типе реальности (виртуальной). И они – эти посредники – могут значимо влиять как на индивидов, так и на социальные группы.

В-третьих, следуя акторно-сетевой теории Латура, можно обсуждать некие феномены, называемые им актантами, представляющими собой материальные объекты, выступающие в трех качествах: «как невидимые и надёжные инструменты, как детерминирующая инфраструктура и как проекция» [14, с. 237]. «В качестве инструментов они передают социальную интенцию, которая проходит через них, без всякого на них влияния. В роли элементов инфраструктуры они образуют материальный фундамент, на котором затем надстраивается социальный мир знаков и репрезентаций. Как проекции они могут только служить предметом утончённой игры в описаниях» [15, с. 105]. Таким образом, Латур распространил сеть отношений на материальные объекты, как некоторую составную часть сети действий и взаимодействий.

В-четвертых, рассматривая особенности таких искусственно созданных изделий с применением искусственного интеллекта вне организационных систем управления, например, нейросетей как саморазвивающихся акторов, называемых Владимиром Лепским АКТЭЛами [9, с. 93], отметим, что они лишены материальных свойств (плотности, протяжённости и формы) и не могут оставлять во взаимодействиях материальные следы, у них нет органов чувств и для них проблематично сознание сущности вкуса и запаха. Кроме того, мы рассматриваем преимущественно такие изделия, которые наделены свойствами самообучения, т.е. они динамично самосовершенствуются, из чего следует, что во взаимодействии с другими они тоже могут меняться. В рамках субъектной парадигмы управления В. Лепского для обеспечения разнообразных взаимодействий субъектов естественного интеллекта с образованиями искусственного интеллекта (псевдосубъектами), в организационных системах управления последние могут корректно применяться для чётко поставленных целей и могут наделяться вполне определёнными свойствами (псевдохарактеристиками), такими как целеустремлённость, рефлексивность, коммуникативность, социальность и способность к развитию [9, с. 93]. Означает ли это обладание ими «социальным телом», для которого свойственно аккумулировать социальные связи и формировать отношения с другими?

В-пятых, что касается способности к развитию, то она заложена в алгоритме самообучения. Характеристика социальности тесно связана с культурой. Подход 4E Cognition частично расширяет возможности встраивания социокультурных аспектов и контекста в конструирование человеко-машинных интеллектуальных коммуникаций, так как компонент «Embedded» (вписанное в среду) может включать в алгоритмы особенности коммуникационной среды, компонент «Enacted» (связанный с действием) может учитывать суть, характер и направленность действий участников, а «Extended» (расширенное) относится к непосредственно к индивиду и к использованию им в познавательной деятельности предметного разнообразия. Для более полной реализации характеристики «социальность» не хватает типовых моделей поведения применительно к различным ситуациям в условиях действия социальных институтов, что в человеческом обществе формируется в процессах социализации. И некоторые паттерны поведения обнаруживаются у нейросетей, при этом отметим, что в проводимых экспериментах автором статьи выявлены различия в паттернах поведения. Технологии воспитания псевдосубъектов пока не разработаны и официально не требуются, а именно это может сформировать индивидуальные особенности на чётко определённой ценностной основе. Развитие компонента «социальность» дополнительно требует в коммуникативных взаимодействиях учёта контекста, но это возможно формализовать только частично. Основанием такого вывода можно считать весьма претензионную «культурную когнитивную нейронауку» П. П. Горяева, отталкивающуюся от того, что мозг человека – биоартефакт, имеющий не только биологическое происхождение, но и социокультурное. Одним из фактов, в какой-то мере подтверждающих природные основания реализации свободы воли кроются в феномене природных оснований, названном П. П. Горяевым омоминичностью: «мудрость генома, говорящая, что даже чисто логический анализ таблицы генетического кода, а она принята как догма, уже приводит к очевидной мысли, что кодирование аминокислот в белках не однозначно для половины кодонов», названных омонимами и выражающаяся тем, что «один из кодонов-омонимов (UUU) кодировал одновременно две разные аминокислоты – фенилаланин и лейцин, чего быть не должно». Горяев объясняет это «ментальной (смысловой) природой обнаруженного несоответствия», т.е. «рибосомы, как квантовые нанобиокомпьютеры, читающие копии генов – информационные РНК (мРНК), учитывают и “понимают” контексты (смыслы) всей длинной молекулы информационной РНК и придают точный единичный смысл кодонам омонимам». Этот феномен, по мнению П. Горяева, является природным основанием свободы воли человека [16].

Таким образом, мы не можем полноценно представить человеческие действия и функционирование социальных институтов как набор алгоритмизируемых правил. Как, например, показывают когнитивные исследования, уже восприятие не есть просто действие по правилам, а является извлечением такой информации из окружающего мира, характер которой часто нельзя предугадать [17]. Это же относится и к способности к развитию. То, что выражает сущностные сугубо человеческие качества, которые «не есть действия по технологизируемым правилам: свободный выбор, понимание другого, признание, взаимная помощь, сострадание, самопожертвование. Моральные предписания (возлюби ближнего, относись к другому не как к средству) не указывают правила их выполнения» [18, с. 17].

Возникает вопрос ещё более важный для социологии управления. О чьих целях в целеполагании идёт речь? Кто ставит эти цели и как осуществляется

процесс коррекции этих целей в случае, если псевдосубъект в процессе самообучения будет способен менять свои цели (такие случаи уже наблюдались [4]). В отдельных случаях псевдосубъект наделяется способностью поиска решения без заданного алгоритма. «Генеративные модели способны обеспечить осмысленный диалог, составление рефератов, дипломных работ и диссертаций; сдачу экзаменов, сочинение музыки и театральные сценарии с визуальным и звуковым сопровождением; имитацию художественного полотна; и делать многие другие вещи, ранее выполняемые творческими людьми. Однако... эти интеллектуальные системы используют лишь то, что сформулировал и представил человек. Ничего нового от себя они не продуцируют» [6, с. 166]. А. Ващенко аргументирует постоянное совершенствование программ реализации искусственного интеллекта: «Программа может пойти по пути, который человек не способен предусмотреть... Даже простые задачи “обучения с подкреплением” алгоритмов машинного обучения знаменуют новый этап в разработке программ: это интеракционное кообучение, когда машина работает в связке с людьми и каждый член оппозиции непредставим вне другого члена. Без синтеза естественного и искусственного интеллектов невозможен чат-GPT» [6, с. 165]. Но главный вопрос целеполагания выражен достаточно чётко академиком В. Лекторским: «постановка цели зависит от принимаемых человеком ценностей», которые «лежат в основе той или иной культуры и определяют характер социальных институтов» [18, с. 17]. И решение этого вопроса проблематично, что и связано с наличием императивов культуры.

Превращённая виртуальная реальность. Кроме изделий с искусственным интеллектом, в современной реальности имеется ещё один не очень понятный и мало исследованный наукой феномен – превращённая реальность, которая, по С. А. Смирнову, представляет собой «продолжение естественно-искусственного процесса изменения деятельности человека, воплощённой в её превращённой форме, форму жизни в виде цифровой копии исходного оригинала, несамостоятельную, т.е. зависимую от исходной, родовой формы реальности, но отчуждённый от неё, живущий в специально созданной виртуальной среде по своим законам» [19 с. 21]. Она выражена в знаково-символическом формате (тексты, знаки, символы, цифры, образы...). В этом плане превращённая форма представляет один из вариантов индивидуальности опосредованного субъекта, замещающая реальность, но эта реальность существует как иррациональный (парадоксальный) способ бытия [20, с. 30], как виртуальная дигитальность (virtual digitalism), т.е. «реальные цифровые объекты», которые участвуют в различных событиях, их «виртуальные переживания обладают такой же ценностью, как и не виртуальные» [21, с. 309–310]. Данный способ реализует желание субъекта публично предстать в выбранной роли как превращённая виртуальная реальность, поскольку данное воплощение в реальной социальной практике либо невозможно, либо субъект не желает публично предстать в выбранном им качестве и пользуется таким способом анонимно. И этот анонимный субъект, участвуя в управленческих взаимодействиях, имеет большую степень свободы, чем традиционный субъект. И здесь, как и в случае с техносубъектом, возникает феномен взаимодействия латентного характера, которое также может влиять на изменение социального порядка.

Виртуальная дигитальность как отчуждённое воплощение реальности «может быть настолько же ценным, что и существование в исходном, физическом

и социальном мире, в превращённой форме», его цифровой аватар может быть «любим, уважаем, он там герой, его принимают и славят», либо «все социальные ограничения здесь сняты. Он не берет ни перед кем никаких социальных и нравственных обязательств», либо «сама событийность становится виртуальной, кажущейся индивиду более полной, разнообразной, богатой и более значимой для него, нежели исходная социальная реальность» [19, с. 32]. Чтобы вернуться из отчуждённого состояния, «человек должен совершить распределение, что невозможно в виртуальном мире, но возможно уже в новой социально-цифровой реальности, в которой виртуальная реальность выступает не иллюзией и не формой ухода от себя, а новым ресурсом развития [19, с. 37], но и не только, возможно включение такого феномена в механизмы и управления. Теоретическим основанием описываемого феномена выступает гибридность современного цифрового общества [1]. Превращённую форму виртуальной реальности субъект может использовать как ресурс для разных благих и деструктивных целей – собственного развития, публичного представления каких-то черт своей индивидуальности, манипулятивного воздействия на поведение других субъектов, выполнения различных коммуникативных ролей, в том числе и, по мнению С. Смирнова, «замещения неудавшегося социального способа бытия цифровым заменителем» [19, с. 34]. Но цели эти всё же выбирает сам оригинал, то есть человек, обладающий сознанием и культурой. И тогда социология управления может включать данные вопросы в предмет своего изучения.

Программированное общество. Ещё один феномен, который значимо влияет на качество социальных регуляторов – программированное общество. Особенность постиндустриального общества по А. Турену состоит в том, что инвестиции в нем вкладываются на уровне целей производства для изменения организации труда. Эти изменения осуществляются через разработку и внедрение инноваций и связанной с ними реорганизацией функционирования производственной системы и, главное, культуры управления. Переход к постиндустриальному обществу осуществляется, когда инвестиции производят в большей степени не материальные блага и даже не «услуги», а блага символические, способные изменить ценности, потребности, представления.

Отметим важный тезис Алена Турана для данной темы: индустриальное общество изменяло средства производства, постиндустриальное изменяет цели производства, то есть оно не может иметь причиной технологию, «каким бы не было экономическое значение последней». Соглашаясь частично с автором, всё же подчеркнём, что технология выступает значимым фактором и создаёт условия для порождения множества феноменов, главный из которых заключён в том, что «вся совокупность экономической системы составляет объект интервенции общества в отношении самого себя». И эта динамическая изменчивость выступает базисом системных трансформаций. В частности, мы имеем в виду феномен, именуемый А. Туреном, программированным обществом как результат его «способности создавать модели управления и производства, организации, распределения и потребления», а «не продукта естественных законов или культурной специфичности» [22, с. 86].

Данные выводы А. Турана сделаны в конце прошлого века. Что же изменилось сегодня? Почему мы с явным опасением говорим о программированном обществе применительно к нашей тематике? Дело в том, что его особенностью становятся условия «для вовлечения в управляемые системы коллективной орга-

низации индивидов, которые оказываются участниками всё более интенсивных обменов и расширенных сетевых коммуникаций», имея высокий потенциал воздействия как на окружающих, так и на самих себя. А сегодня в эти же процессы включаются техносубъекты как посредники между участниками коммуникаций и их латентными владельцами. Ещё один важный аспект состоит в том, что социокультурные новации реализуются в тесном сопряжении с мобильностью «создания новых правящих групп» и элит [22], а сам процесс сопровождается эффектом «централизации аппаратов управления», охватывающих не только производство, но и практически все области жизнедеятельности, обозначая феномен, названный А. Туреном «индустриализацией информации, потребления, здоровья, научных исследований и даже общего обучения» [22, с. 86].

Туреновское программированное общество включает в себя социально-экономический потенциал возникновения «центров решения и управления, способных производить не только системы средств, но сами цели общественной деятельности», предоставляя более широкие шансы индивидам, но и повышая риски латентной «манипуляции со стороны абсолютной власти» или других анонимных претендентов на власть. «Человек считал, что с помощью ИИ он будет управлять миром и глобальным процессом эволюции (т.е. мнил себя Богом: Homo Deus). На самом деле он становится управляемым с помощью этого интеллекта, таким образом превращаясь из Бога в раба, – искусственный интеллект лучше знает за него, что ему нужно» [18, с. 8]. Одним из вариантов решения данной проблемы выступает нормативное закрепление ответственности за последствия. Можно согласиться с А. Степановой, что «Из всех предлагаемых сегодня учёными концепций, самой убедительной, хорошо обоснованной и научно выверенной видится юридическая фикция “электронного лица”, применяемая не ко всем роботам в целом, но к так называемым “разумным” роботам, способным самообучаться на основе собственного опыта, взаимодействуя с окружающим миром» [23, с. 95]. Но этого недостаточно...

Регулятивы «мягкого управления» в условиях многосубъектности. Концептуально «мягкое управление» в гибридном социуме может применяться в как в социальном, так и в государственном управлении. Оно, с одной стороны, предполагает децентрализацию, использование демократического стиля руководства, стимулирование самостоятельной деятельности взаимодействующих акторов не командами и принуждением, а через воздействие на их культуру, сознание и поведение, применение неформальных методов взаимодействия между сотрудниками и передачу им необходимых полномочий, сопровождаемых постоянным переобучением и адаптацией к изменениям, а также направленность управленческих процессов на достижение целей.

Однако в условиях многосубъектности в гибридной среде влияние на сознание участвующих акторов может оказаться разнонаправленным в связи с наличием разных целей и интересов у субъектов, вступающих во взаимодействия. Результат может принимать как позитивный, так и негативный характер для социальной системы. Рассмотрим возможные регулятивные механизмы, используемые в «мягком управлении» в условиях гибридного социума.

1. Установление законов, правил и инструкций, которыми руководствуются все участники. Так, Т. Парсонс пишет, что введение нормы или правила в социальное действие может стать потенциальным источником социальной напряжённости и даже конфликта, если вызывает неприятие какого-то участника [7,

с. 480]. Возникающими проблемами здесь выступает неравенство в требованиях исполнения установленных регуляторов к различным участникам или установление правил в интересах одних социальных общностей без учёта интересов других иногда по причине неопределённости, непонимание своих в момент установления закона или правила. Всё это является потенциальным источником социальной напряжённости и конфликтов. Проблема «непредставленности интересов» связана часто либо с позицией органа власти, которая игнорирует интересы той или иной социальной группы, либо обусловлена отсутствием в регулятивном механизме компонента их выявления. Непрозрачность действий участников субъект-субъектных взаимодействий, вызванных либо латентным характером интересов какой-либо социальной группы, либо недостаточной её развитости, либо непубличным характером алгоритмов техносубъектов. Непрозрачность алгоритма техносубъекта не означает намеренное желание его создателей построить некорректное взаимодействие. Важно понять, в чьих интересах оно осуществляется, т.е. какую выгоду извлекает владелец техносубъекта.

2. Граждане всё активнее участвуют в процессе принятия решений. Они могут высказывать своё мнение через онлайн-платформы или участвовать в публичных слушаниях. Регулирование согласованности действий партнёров или их интересов специфично в условиях партисипативного характера участия взаимодействующих сторон. Проблемы возникают в случае несогласованности целей участников, плохо организованного сотрудничества и взаимодействия, социального неравенства партнёров, их низкой общественной активности и интереса к совместному решению проблем, маленького объёма социального капитала. Поэтому предметом социологии управления является теоретическое обоснование регулятива согласования интересов участников партисипативного взаимодействия. Органы власти всё больше стремятся работать вместе с другими заинтересованными сторонами (например, некоммерческими организациями, бизнесом) для достижения общих целей. Сетевой подход позволяет использовать ресурсы и знания всех участников для создания более эффективных решений. Использование цифровых технологий сетевого управления также требует регулятивного инструмента и развития качества резистентности участников к нежелательным управленческим взаимодействиям в гибридном коммуникативном пространстве [24].

3. Применительно к условиям гибридного социума можно отметить проблему прозрачности взаимодействия в условиях субъект-субъектных отношений. Решение данной проблемы в интеграции гибридного социального пространства через построение органами власти цифровых экосистем, платформ обратной связи, инкорпорированию в них целеориентированных сервисов и социальных сетей, включая сервисы типа «Активный гражданин», общение с экспертами, с гражданами, сервисы для организации обсуждения и совместного принятия социально значимых решений, сбора данных обратной связи для проведения аналитических процедур, построения прогнозов. Все они должны быть настроены на принципы открытости и прозрачности управления, включать этический компонент и обязательную взаимную идентификацию участников при использовании коммуникативных технологий.

Вместо заключения: методы социологического исследования в многосубъектном цифровом социальном пространстве. Один из самых проблемных вопросов в социологии управления – потребность в пересмотре спектра методов

социологических исследований, которые возможно использовать для анализа регулятивов «мягкого управления» в условиях многосубъектности. И здесь мы сталкиваемся с тем, что традиционные теоретические обоснования социологических измерений становятся проблематичными. Это связано, во-первых, с тем, что появились многие феномены социальности, которых ранее не было. Одна из них – виртуальная реальность в новой цифровой инфраструктуре, которая обусловила расширение жизненной среды человека за счёт цифрового социального пространства. Если реального субъекта можно проинтервьюировать, то с виртуальным субъектом это сделать трудно, т.е. данные придётся собирать другим (цифровым) способом, но корректно ли их тогда трактовать социологически, т.н. субъективными особенностями социальных акторов? Ещё сложнее анкетный опрос субъекта, имеющего своего аватара в условиях превращённой реальности. Двойственность (или тройственность) его сознания, разных ролевых проявлений поведения в реальном и виртуальном пространствах проявится в ответах на вопросы анкеты. Будет ли социологическая интерпретация результатов корректной, если в физическом пространстве субъект выступает в роли менеджера, а в виртуальном имеет двух аватаров – воинственного и «крутого» участника мужского сообщества и нежного владельца болонки в обществе собаководов?

Третья проблема – цифровые формы умного контроля и обратной связи в социологии управления. Мы видим необходимость перехода от цифрового регулирования к умному управлению, основанному на участии, партнёрстве, координации, организации горизонтальных связей и отношений между преобразующей силой сверху и спонтанной самоорганизацией снизу [25]. Субъектами власти здесь выступают как органы власти, так и бизнес-структуры, граждане и их объединения. Необходима «разработка новых инфо-коммуникативных инструментов для изучения социальных взаимодействий, деятельности и её смыслового содержания в спонтанных каналах коммуникации» между всеми субъектами управления, которые «насыщены реальными интенциями, эмоциями, образами, символическими значениями и другими языковыми особенностями [26, с. 12].

В-четвертых, в условиях цифрового общества возникает вопрос верифицированности методов сбора эмпирических данных и их анализа. Можем ли мы доверить сбор данных искусственному интеллекту? Так, в практике проведения исследований в Счётной палате вместо выборочного анализа документов применили искусственный интеллект с использованием языка Python и проанализировали всю огромную совокупность разнородных документов, подлежащих проверке (большие данные). Если ранее требовалось рассчитать объем отбора документов для ручной проверки и построения инструментария репрезентативного опроса авторов проверяемых документов, чтобы выявить тенденции и объем возможных нарушений, то после применения искусственного интеллекта число респондентов в интервью значительно уменьшилось, так как опрашивать понадобилось только авторов, в документах которых были какие-то несоответствия. Остальных участников опрашивать уже не имело смысла, так как они проблем не продуцировали. Может ли такой комплекс применённых методов относиться к социологическим? Традиционные социологи скорее всего ответят отрицательно, так как число респондентов явно меньше, чем принятые в социологии объёмы выборки, да и реальная анкета глубинного интервью значительно сократилась, т.е. данных субъективного характера в результате стало

меньше. Аналитики при этом аргументируют свою правоту тем, что применение искусственного интеллекта позволяет повысить эффективность аналитики (контрольно-аналитического мероприятия) за счёт полной проверки всех (а не выборочных) данных, а также организации опроса не статистического, а точечного, т.е. только по выявленным проблемным областям документов. В случае отрицательного ответа, не означает ли данный феномен сокращения предметного поля социологии в процессах управления?

Принципиальная позиция в разрешении данной методологической проблемы между аналитиками и традиционными социологами обусловлена причиной отказа от нахождения компромиссов [23], а также различием в профессиональных компетенциях обеих сторон. Главное, что социология управления как наука должна изменяться вместе с трансформирующимся социумом.

Библиографический список

1. Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // *Философия науки и техники*. 2023. Т. 28, № 1. С. 48–65. DOI [10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65). EDN [USPLIV](https://www.edn.net/USPLIV).
2. Dushkin R. V., Andronov M. G. The Hybrid design for artificial intelligence systems // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2021. Vol. 1250. P. 164–170. DOI [10.1007/978-3-030-55180-3_13](https://doi.org/10.1007/978-3-030-55180-3_13). EDN [PPZSSP](https://www.edn.net/PPZSSP).
3. Игнатев В. И. И грядет «другой» актор... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // *Социология науки и технологий*. 2019. Т. 10, № 1. С. 64–78. DOI [10.24411/2079-0910-2019-10005](https://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-10005). EDN [XPCNHJ](https://www.edn.net/XPCNHJ).
4. Игнатев В. И. Проблема техносубъекта: о субъектности «сущностей-конструкторов» // *Идеи и идеалы*. 2021. Т. 13, № 1-1. С. 130–150. DOI [10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150). EDN [PKVLEZ](https://www.edn.net/PKVLEZ).
5. Человек и системы искусственного интеллекта / В. А. Лекторский, С. Н. Васильев, В. Л. Макаров [и др.]. СПб : Изд-во «Юридический центр», 2022. 328 с. ISBN 978-5-94201-835-1. EDN [XSBHNY](https://www.edn.net/XSBHNY).
6. Алексеев А. Ю., Ващенко А. А., Зайкова А. С. Парадоксы и противоречия искусственного интеллекта: 90 лет первой теореме К. Гёделя о неполноте и 60 лет аргументу Дж. Лукаса // *Философия науки и техники*. 2023. Т. 28, № 2. С. 156–169. DOI [10.21146/2413-9084-2023-28-2-156-169](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-2-156-169). EDN [GZNHZC](https://www.edn.net/GZNHZC).
7. Parsons T. *The Structure of Social Action*. New York : Free Press, 1937.
8. Тихонов А. В. *Социология управления*. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Канон+, 2007. 472 с. ISBN 978-5-88373-153-1. EDN [TVIOWP](https://www.edn.net/TVIOWP).
9. Лепский В. Е. Искусственный интеллект в субъектных парадигмах управления // *Философские науки*. 2021. Т. 64, № 1. С. 88–101. DOI [10.30727/0235-1188-2021-64-1-88-101](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-1-88-101). EDN [CPXOVH](https://www.edn.net/CPXOVH).
10. Frane A., Borut R. Social capital as a useful scientific metaphor // *Advances in sociological knowledge* / Ed. by N. Genov. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. P. 183–204. DOI [10.1007/978-3-663-09215-5_8](https://doi.org/10.1007/978-3-663-09215-5_8).
11. Spitale G., Biller-Andorno N., Germani F. AI model GPT-3 (dis)informs us better than humans // *Science Advances*. 2023. Vol. 9, No. 26. DOI [10.1126/sciadv.adh1850](https://doi.org/10.1126/sciadv.adh1850). EDN [PZNIJ](https://www.edn.net/PZNIJ).
12. Антонова О. А. Механизм согласования интересов субъектов социального партнерства как условие роста человеческого капитала (часть 1) // *Вестник Омского университета*. Серия: Экономика. 2023. Т. 21, № 4. С. 5–14. DOI [10.24147/1812-3988.2023.21\(4\).5-14](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(4).5-14). EDN [KIJSXZ](https://www.edn.net/KIJSXZ).
13. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М. : Наука, 1980. 358 с.
14. Latour B. On interobjectivity // *Mind, culture, and activity*. 1996. Vol. 3, № 4. P. 228–245. DOI [10.1207/s15327884mca0304_2](https://doi.org/10.1207/s15327884mca0304_2).
15. Вахитайн В. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «поток» в акторно-сетевой теории // *Социологическое обозрение*. 2005. Т. 4, № 1. С. 94–115. EDN [SZTFJN](https://www.edn.net/SZTFJN).
16. Гаряев П. П. Код Бога. Лингвистико-волновая генетика. М. : Концептуал, 2018. 112 с. ISBN 978-5-906867-38-4.

17. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию / Пер. с англ. Т. М. Сокольской; Общ. ред. и вступ. А. Д. Логвиненко. М. : Прогресс, 1988. 464 с. ISBN 5-01-001049-6.
18. Искусственный интеллект в исследованиях сознания и общественной жизни (к 70-летию статьи А. Тьюринга «Вычислительные машины и разум»): материалы круглого стола / В. А. Лекторский, Е. А. Алексеева, Н. Н. Емельянова [и др.] // *Философия науки и техники*. 2022. Т. 27, № 1. С. 5–33. DOI [10.21146/2413-9084-2022-27-1-5-33](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-1-5-33). EDN [URJТОМ](https://www.edn.ru/URJТОМ).
19. *Смирнов С. А.* Виртуальная реальность как превращенная форма // *Философский журнал*. 2023. Т. 16, № 1. С. 21–38. DOI [10.21146/2072-0726-2023-16-1-21-38](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2023-16-1-21-38). EDN [STMCVL](https://www.edn.ru/STMCVL).
20. *Римский В. П., Калинина Г. И.* Самополагание науки и превращенные формы знания // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2012. № 20(139). С. 28–39. EDN [RMUEUB](https://www.edn.ru/RMUEUB).
21. *Chalmers D. J.* Reality+: Virtual worlds and the problems of philosophy. New York : W.W. Norton & Co, 2022. 505 p. ISBN 978-0241320716.
22. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии / Пер. фр. Е. А. Самарской. М. : Научный мир, 1998. 204 с. ISBN 5-89176-042-8.
23. *Степанова А. Е.* Прогрессивные идеи искусственного разума в контексте современного права России // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2023. № 1(150). С. 89–95. DOI [10.24412/2227-7315-2023-1-89-95](https://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-1-89-95). EDN [UVTWXP](https://www.edn.ru/UVTWXP).
24. *Шамыкина В. М.* Управленческие взаимодействия в социоинформационной блогосфере: дис... канд. социол. наук : 22.00.08 / Шамыкина Виктория Михайловна. М., 2012. 141 с. EDN [QFXNYN](https://www.edn.ru/QFXNYN).
25. *Тихонов А. В., Богданов В. С.* От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // *Социологические исследования*. 2020. № 1. С. 74–81. DOI [10.31857/S013216250008325-0](https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0). EDN [VSDAAV](https://www.edn.ru/VSDAAV).
26. *Василенко Л. А.* Цифровой прорыв: достаточно ли умным в цифровом государстве будет публичное управление и насколько умны элита и граждане // *Цифровая социология*. 2021. Т. 4, № 3. С. 6–15. DOI [10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15). EDN [HDGNUP](https://www.edn.ru/HDGNUP).

Поступила: 18.04.2024. Принята: 21.05.2024.

Сведения об авторе:

Василенко Людмила Александровна, доктор социологических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва, Россия.

vasilenkola@mail.ru

Author ID РИНЦ: [285654](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=285654); ORCID: [0000-0002-0468-8194](https://orcid.org/0000-0002-0468-8194)

L. A. Vasilenko¹

¹ RANEPА. Moscow, Russia

METAMORPHOSES OF DIGITAL MULTI-SUBJECTIVITY: THE REGULATIVES OF SOFT GOVERNANCE VS A PROGRAMMED SOCIETY

Abstract. The article is devoted to an urgent and controversial topic – the spontaneous formation of regulators for managing the behavior of subjects in the virtual world in the context of digital transformation and hybrid social space and the impact of these processes on the social order. The diversity of subjects (multi-subjects) is represented both by traditional subjects of society in the virtual space

(representatives of government bodies, citizens and their associations included in digital communications), The diversity of subjects (multi-subjects) is represented both by traditional subjects of society in the virtual space (representatives of government bodies, citizens and their associations included in digital communications), the transformed form virtual reality, that is the actor of virtual reality with a high level of anonymity; and by techno-subjects (products with built-in artificial intelligence algorithms (chatbots, neural networks, digital twins, etc.) showing some elements of subjectivity (the possibility of influencing the behavior of communication participants, the possession of technosubjects by a social body (according to V. Tikhonov). Soft governance is considered as a democratic style of subject-subject management through influencing culture, con-sciousness, behavior with the transfer of necessary powers to participants and the use of informal communication methods. The regulatives of programmed society have high risks of blatant manipulation by authorities or anonymous power contenders. The regulatives of Soft governance have a dual basis: the establishment of laws, rules and instructions for all types of subjects, regulations for coordinating the interests of partners in participatory interactions, the development of a resistant reaction to manipulative influences, technical and technological services in ecosystems and digital platforms. But soft governance regulatives have signs of a latent and manipulative nature also. It is concluded that it is necessary to include all these aspects in the problems of the scientific discipline "Sociology of Management".

Keywords: multi-subjectivity, soft governance, programmed society, regulatives, digital transformation, social body, artificial intelligence, techno-subjects, virtual space, hybridity, social order

For citation: Vasilenko L. A. Metamorphoses of digital multi-subjectivity: the regulatives of soft governance vs a programmed society. *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):10–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.1>

References

1. Vasilenko L. A., Meshcheryakova N. N. Digital hybridity: innovative reality or utopia? *Philosophy of Science and Technology*. 2023;28(1):48–65. (In Russ.). DOI [10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65).
2. Dushkin R. V., Andronov M. G. The Hybrid design for artificial intelligence systems. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2021;1250:164–170. DOI [10.1007/978-3-030-55180-3_13](https://doi.org/10.1007/978-3-030-55180-3_13).
3. Ignatyev V. I. And the "Other" actor is coming... The formation of tehnosubject in the context of the movement to technological singularity. *Sociology of Science and Technology*. 2019;10(1):64–78. (In Russ.). DOI [10.24411/2079-0910-2019-10005](https://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-10005).
4. Ignatyev V. I. Problem of the techno-subject: on the subjectivity of "entity-constructors". *Ideas and Ideals*. 2021;13(1-1):130–150. (In Russ.). DOI [10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150).
5. Lektorsky V. A., Vasiliev S. N., Makarov V. L. [et al.]. Man and artificial intelligence systems. St. Petersburg: "Yuridicheskii tsentr" Publ.; 2022. (In Russ.). ISBN 978-5-94201-835-1.
6. Alekseev A. Yu., Vashchenko A. A., Zaykova A. S. Paradoxes and contradictions of artificial intelligence: 90 years of K. Gödel's first incompleteness theorem and 60 years of J. Lucas's argument. *Philosophy of Science and Technology*. 2023;28(2):156–169. (In Russ.). DOI [10.21146/2413-9084-2023-28-2-156-169](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-2-156-169).
7. Parsons T. The structure of social action. New York: Free Press; 1937.
8. Tikhonov A. V. Sociology of management. 2nd ed., suppl. and revised. Moscow: Canon+; 2007. (In Russ.). ISBN 978-5-88373-153-1.
9. Lepskiy V. E. Artificial intelligence in subject-oriented control paradigms. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2021;64(1):88–101. (In Russ.). DOI [10.30727/0235-1188-2021-64-1-88-101](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-1-88-101).
10. Frane A., Borut R. Social capital as a useful scientific metaphor. In: Genov N. (ed.) *Advances in sociological knowledge*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; 2004. P. 183–204. DOI [10.1007/978-3-663-09215-5_8](https://doi.org/10.1007/978-3-663-09215-5_8).
11. Spitale G., Biller-Andorno N., Germani F. AI model GPT-3 (dis)informs us better than humans. *Science Advances*. 2023;9(26). DOI [10.1126/sciadv.adh1850](https://doi.org/10.1126/sciadv.adh1850).
12. Antonova O. A. Mechanism for agreeing the interests of social partnership subjects as a condition for the growth of human capital (part 1). *Herald of Omsk University. Series "Economics"*. 2023;21(4):5–14. (In Russ.). DOI [10.24147/1812-3988.2023.21\(4\).5-14](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(4).5-14).
13. Lektorsky V. A. Subject. Object. Cognition. Moscow: Nauka; 1980. (In Russ.).
14. Latour B. On interobjectivity. Mind, culture, and activity. 1996;3(4):228–245. DOI [10.1207/s15327884mca0304_2](https://doi.org/10.1207/s15327884mca0304_2).

15. Vakhshstayn V. The return of material: “spaces”, “networks”, “flows” in actor-network theory. *Sociological Review*. 2005;4(1):94–115. (In Russ.).
16. Garyaev P. P. God’s code, linguistic-wave genetics. Moscow: Kontseptual; 2018. (In Russ.). ISBN 978-5-906867-38-4.
17. Gibson J. The ecological approach to visual perception. Moscow: Progress; 1988. (In Russ.). ISBN 5-01-001049-6.
18. Lektorsky V. A., Alekseeva E. A., Emelyanova N. N. Artificial intelligence in the research of consciousness and in social life (in honor of 70-years anniversary of A. Turing’s paper “Computing Machinery and Intelligence” (papers of the “round table”). *Philosophy of Science and Technology*. 2022;27(1):5–33. (In Russ.). DOI [10.21146/2413-9084-2022-27-1-5-33](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-1-5-33).
19. Smirnov S. A. Virtual reality as a transformed form. *The Philosophy Journal*. 2023;16(1):21–38. (In Russ.). DOI [10.21146/2072-0726-2023-16-1-21-38](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2023-16-1-21-38).
20. Rimskiy V. P., Kalinina G. I. Self-estimation of science and converted forms of knowledge. *Belgorod State University scientific bulletin. Philosophy, sociology, law*. 2012;(20):28–39. (In Russ.).
21. Chalmers D. J. Reality+: Virtual worlds and the problems of philosophy. New York: W.W. Norton & Co; 2022. ISBN 978-0241320716.
22. Touraine A. Le Retour De L’Acteur. Essai de sociologie. Moscow: Nauchnyi mir; 1998. (In Russ.). ISBN 5-89176-042-8.
23. Stepanova A. E Progressive ideas of artificial intelligence in the context of contemporary Russian law. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2023;(1):89–95. (In Russ.). DOI [10.24412/2227-7315-2023-1-89-95](https://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-1-89-95).
24. Shamykina V. M. Managerial interactions in the socioinformational blogosphere. Candidate Degree Thesis. Moscow; 2012. (In Russ.).
25. Tikhonov A. V., Bogdanov V. S. From “clever regulation” to “clever management”: Social problem of digitalization of feedbacks. *Sociological Studies*. 2020;(1):74–81. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250008325-0](https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0).
26. Vasilenko L. A. Digital breakthrough: will public administration be smart enough in a digital state and how smart are the elite and citizens. *Digital sociology*. 2021;4(3):6–15. (In Russ.). DOI [10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15).

Received: 18.04.2024. Accepted: 21.05.2024.

Information about the author:

Liudmila A. Vasilenko, Doctor of Sociology, Professor,
Professor at the Institute of Public Service and Administration, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, Russia.

vasilenkola@mail.ru

ORCID: [0000-0002-0468-8194](https://orcid.org/0000-0002-0468-8194)